

Е.М. Кожокин

ИПОСТАСИ «ГОСУДАРСТВА – НОЧНОГО СТОРОЖА»: ФРАНЦИЯ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Человек, занимающийся государственным управлением, в силу особенностей своего труда неизбежно оперирует общими понятиями, в том числе при написании вполне казенных, бюрократических бумаг. Общие понятия приходят как бы ниоткуда. Их привносят школа, вуз, СМИ, Интернет. На самом деле и СМИ, и Интернет, и учебные заведения чаще всего выступают в роли ретрансляторов. Новые понятия, а также новые смыслы для старых понятий, рождаются чаще всего в головах людей, занимающихся осмыслением политического процесса на профессиональной, постоянной основе. Только живут и творят эти люди чаще всего не в Москве, Санкт-Петербурге или Вологде, а в США или Западной Европе. А российские политологи некритически используют в своих работах чуждый продукт, поступающий на российский интеллектуальный, образовательный и информационный рынки.

Объективно российская политология, не имеющая глубоких традиций, разрушаемая рыночной конъюнктурой, мечущаяся между апологетикой и нигилизмом, находится в очень сложной ситуации. В российской политологии есть организации, но нет профессионального сообщества со своим этическим кодексом и признанными лидерами, которые обладают, в том числе, и моральным авторитетом. Американка Энн Стюарт-Хилл, отвечавшая в 1996–1998 годах за реализацию программ Фонда Форда в России, с изумлением отмечала: «Большинство российских ученых предпочитают публиковать статьи в западных журналах, а также делиться информацией с зарубежными коллегами, по отношению к своим русским сотоварищам они делают это весьма неохотно»¹. Россияне не любят ни цитировать своих российских коллег, ни давать на них ссылки. Авторитеты для них имеются или за рубежом,

или в лучшем случае в дореволюционной России. Между тем можно назвать как минимум одно имя – человека, масштаб познаний которого и глубина понимания политических процессов сделали бы его корифеем в любой из западных стран, включая США. Это – Алексей Михайлович Салмин. До него Ф.М. Бурлацкий, А.А. Галкин закладывали основы политологии у нас в стране, но А.М. Салмин явился первым сугубо оригинальным, самостоятельным мыслителем в сфере теоретической политологии. Можно принимать или не принимать концепции Салмина, но нельзя заниматься политической наукой в России, игнорируя его труды².

Большинство российских политологов – глубоко зависимые люди, к тому же хорошо отдающие себе отчет по поводу своей зависимости. Они существуют абсолютно вне системы координат, которую еще в 1973 г. определил советский (по географии проживания, но не по типу мышления) философ Мераб Мамардашвили и которая кажется столь естественной. Он говорил: «Мне кажется, что объективное знание как таковое неотделимо от достоинства и самосознания человеческого существа, неотделимо от сознания им своего места в мироздании, от сознания высшей личностной свободы и независимости»³.

В нашей стране политология по большей части антидемократична. Она не исходит из того, что политические науки должны быть обращены ко всем людям, служить их интересам (прежде всего – большинству), помогать им преодолевать отчуждение от политики. Только при реализации этого принципа станет возможным то, о чем неожиданно ярко и выразительно написал элитарный философ Фридрих Ницше: «Всякая политика сводится к тому, чтобы сделать сносной жизнь возможно большему числу людей»⁴.

В современном мире доминирование в информационном пространстве приравнивается к интеллектуальному доминированию. И, благодаря этой аберрации, некоторые политологи считают, что их наука среди гуманитарных дисциплин стоит на первом месте. Это приводит к снисходительно-пренебрежительному отношению, например, к истории, без опоры на которую политологии явно грозят упрощенчеством и использование ложных понятий.

К тому же история как наука, имеющая изначально экзистенциальное значение, может помочь политологии обрести необходимое ценностное измерение. История помогает жить и выживать и человеку, и обществу в целом. Она служит преодолению страха перед неизбежностью смерти тем, что говорит о возможности сохранения личности в зафиксированной памяти других людей. В советское время зарождавшаяся политология существовала в рамках исторической науки. Сейчас, превратившись в самостоятельную дисциплину, политология уже в новом качестве должна повернуться лицом к истории, чтобы обрести самостоятельность и научность.

Российская политология, базирующаяся в значительной степени на своеобразно понятых идеях либерализма, очень часто оперирует образом «государства – ночного сторожа». Данный феномен предстает в виде государства, наделенного минимумом функций, сведенных к поддержанию порядка и защите страны от внешних угроз, но практически не вмешивающегося в социально-экономические процессы⁵.

Исходя из того, что понятие должно соответствовать реалиям отображаемой им действительности, предлагаем более пристально взглянуть в ту эпоху, к которой традиционно относят формирование и начало функционирования государства в качестве «ночного сторожа».

Французское абсолютистское государство эпохи «старого режима» не было построено на либеральных принципах, но во второй половине XVIII века оно начало проводить вполне либеральные мероприятия. Был разрешен ввоз в страну ситца; в 1769 году ликвидирована монополия Компании двух Индий на торговлю с Вест- и Ост-Индией. Еще ранее, в 1764 году, была предпринята попытка разрешить свободную торговлю зерном. Королевский указ 1762 года легализовал сельскую кустарную промышленность. Рассеянная мануфактура получила дополнительный стимул развития. Регламентация технических условий производства во многих сферах становилась более гибкой. Благодаря физиократам, теоретикам экономического либерализма, начал распространяться взгляд на внутреннюю торговлю как на средство сбалансирования потребностей и ресурсов общества. В период пребывания Тюрго на посту генерального контролера финансов был подписан королевский эдикт об отмене ограничений на торговлю зерном на всей территории Франции за исключением Парижа, были ликвидированы цеха (или, как их называли во Франции, корпорации), которые объединяли ремесленников и жестко регулировали их производственную и торговую деятельность. Правда, реформы Тюрго были свернуты после его отставки.

Абсолютистское государство, исходя из своих целей военно-политической стратегии, колониальной экспансии, экономической борьбы с другими странами и не в последнюю очередь просто из соображений национального престижа, поощряло развитие промышленности. Государство выдавало концессии на разработку минеральных ресурсов, привилегии на открытие производств, субсидировало производства, вводившие технологические новшества, оплачивало переезд специалистов из-за рубежа, учреждало поощрительные премии с целью разработки и внедрения новых технологий. В собственности государства находились особенно крупные и нередко уникальные с технологической точки зрения мануфактуры, ему также принадлежали огромные массивы лесов, которые не были пущены на продажу и в период революции, несмотря на предпринятые усилия⁶. С точки зрения юридического статуса, в конце XVIII в. существовало три вида централизованных мануфактур: государственные (*manufactures d'Etat*); королевские по названию (*manufactures royales*)⁷, но фактически частные; частные, не имевшие определенного официального статуса и функционировавшие на основании простого разрешения полиции. К государственным мануфактурам относились знаменитые парижские предприятия Гобеленов, Савоньери, зеркальная мануфактура, Севрская фарфоровая мануфактура. Их непосредственным собственником считался король Франции, все они находились под прямым контролем дворцового ведомства (*batiments du Roi*). Рабочие государственных мануфактур находились в привилегированном положении: частично или полностью они

освобождались от налогообложения, получали даровую казенную квартиру, если же у администрации не хватало помещений, им выдавались особые квартирные деньги⁸. На этих предприятиях существовал особый порядок получения звания мастера. Согласно действовавшим и в конце XVIII века постановлениям 1608 и 1667 годов, после шести лет ученичества и четырех лет работы в качестве подмастерья каждый работник становился мастером, не уплачивая специального взноса и не подвергаясь экзамену. Тот, кто приходил на мануфактуру, уже имея квалификацию, получал звание мастера после шести лет работы по рекомендации субинтенданта – члена администрации мануфактуры. Рабочие государственных мануфактур были неподсудны административным лицам ремесленных цехов⁹.

В некоторых сферах промышленного производства частная инициатива без государственной поддержки оказывалась бессильной, подчас обнаруживалась и определенная экономическая рутинность частных предпринимателей. Существовал предел риска, за который решалось переступать только государство. Начавшееся в конце XVIII в. серьезное техническое перевооружение французской промышленности (первые шаги промышленного переворота) субсидировалось в значительной степени королевской администрацией и местными властями.

В то же время государство «старого порядка» так и не смогло создать налоговую систему, функционирующую в рамках государственной бюрократии, то есть подчиняющуюся нормам государственной дисциплины и иерархии и состоящую из чиновников, регулярно получающих зарплату от государства. Право на сбор основных налогов находилось в руках частных компаний генеральных откупщиков, неизменно допускавших огромные злоупотребления при сборе налогов, этот произвол позволял сколачивать огромные состояния. Несоответствие французского государства требованиям национального и мирового рынка, в условиях которых существовала экономика Франции, явилось одной из сущностных причин Великой революции конца XVIII века.

Философы и политологи исходят из того, что либерализм получил исключительное развитие именно в эпоху «старого режима», именно тогда творили Монтескье и Вольтер, Кенэ и Тюрго. Но государство во Франции на принципах либерализма стала воздвигать только Великая революция.

Великая французская революция освобождала личность. Все ее деятели от фейянов до якобинцев образца 1794 года трактовали нацию как совокупность свободных личностей. Власть для них выступала как эманация политической воли нации. Законодатели исходили из того, что никакие опосредствующие организации не должны вмешиваться в отношения гражданина и государства. В соответствии с этой логикой и философией Учредительное собрание в марте 1791 года по докладу Далларда приняло закон, ликвидировавший корпорации и вводивший систему патентов, обязательных для всех владельцев промышленных и торговых заведений. Патент представлял собой документ, свидетельствующий об уплате налога за право заниматься определенной хозяйственной деятельностью. Он не имел ничего общего с метризой, документом «старого порядка», регулировавшим ремесленную деятельность, так как никоим образом не ог-

раничивал сферу приложения капиталов и энергии его владельца. Патент являлся прежде всего инструментом налоговой политики государства.

Столь свойственная законодателям революции способность видеть социальные и экономические проблемы в национальном масштабе проявилась и в их отношении к рабочим выступлениям. Забастовки многократно запрещались и при «старом режиме», но Королевский совет обычно принимал постановление, запрещавшее рабочим какой-либо одной специальности и к тому же определенной местности создавать объединения, устраивать собрания и «коалиции», заводить общую кассу и т.п.¹¹. Вотированный 14 июня 1791 года Учредительным собранием закон Ле Шапелье относился к рабочим всех профессий и всей Франции¹².

Разрыв между принятой, но не исполнявшейся конституцией 1793 года и реальным устройством государства существовал не только в практической деятельности якобинцев, Робеспьеристов, скорее, можно заподозрить в революционном фанатизме, чем в цинизме. Робеспьер, Сен-Жюст, Кутон явно не могли последовательно и целеустремленно воздвигать здание революционной диктатуры, оставаясь в душе искренними демократами. Относясь фаталистически к собственной судьбе, Робеспьер к самому себе относился как к инструменту революции, а не как к высшей ценности в системе власти. Якобинская диктатура, наводившая страх на всю Европу, в качестве своей институциональной базы имела Конвент, то есть парламент, в котором сохранялись легальные возможности для деятельности оппозиции и для свободного обсуждения ключевых политических вопросов. К тому же парламентская система Конвента находилась в живом симбиозе с прямой демократией санкюлотов. Французский историк А. Собуль, характеризуя «прямую демократию» того времени, писал: «Для этой системы характерно, во-первых, лишение политических прав граждан, подозреваемых во враждебном отношении к революции, и удаление их из общих собраний секций с применением, в случае надобности, силы. Во-вторых, провозглашенное санкюлотами право контролировать деятельность их представителей и лишать их полномочий в случае потери ими доверия избирателей. Весьма показательны некоторые приемы... открытая подача голосов, выборы без голосования – простым выражением общего одобрения; тайную баллотировку санкюлоты считали признаком гражданской неблагонадежности и аристократизма. Эту политическую систему санкюлоты намерены были применить не только в коммунальном, но и в общенациональном масштабе»¹³. Совершенно исключительные условия войны с европейскими монархиями, контрреволюционных мятежей на территории Франции, необходимость опоры на беднейшие слои населения и их политическое движение в лице санкюлотов заставили якобинцев прибегнуть к политике жесткого регулирования цен и контроля над промышленным производством. Экономический либерализм оказался непригодным при решении чрезвычайных задач.

В ходе революции не была создана модель устойчивой политической системы, и в то же время принципы эффективного государственного управления были заложены. Победы на фронтах приближали момент гибели якобинской диктатуры. Неподкупный и его единомышленники

становились излишними. Значительная часть политического класса, в том числе среди якобинцев, нуждалась в толерантном государстве, а Робеспьер был слишком опасен для всех, кто отнюдь не отличался неподкупностью. В итоге демократические моменты, сохранявшиеся в недрах якобинской диктатуры, были использованы против самих якобинцев.

Термидор послужил укреплению прав личности и сворачиванию демократических механизмов.

Парадоксальным образом французское государство первой половины XIX века сочетало в себе нестабильность и эффективность. Эта особенность была связана с созданной в годы революции и закрепленной Наполеоном государственной системой управления финансами. Никогда ранее государство во Франции не могло решиться на целенаправленное осуществление инфляционной политики, ибо не обладало возможностью самостоятельного выпуска бумажных денег – ассигнатов, их беспрецедентное обесценивание явилось формой необъявленного дополнительного налога на все население Франции. «Без национального дохода – нет нации, – говорил в Законодательном собрании Лебрэн. – Не может быть свободы, если доходная часть госбюджета, утвержденного нацией, не поступает в казначейство, регулярно и активно инспектируемое и контролируемое представителями нации»¹⁴. В прошлом ученик канцлера Мопу, консерватор до мозга костей Лебрэн лучше чем кто бы то ни было знал, что управление государственными финансами должно осуществляться эффективно организованной бюрократией, и государственные финансы должны быть строжайшим образом защищены от какой-либо возможности вмешательства в их непосредственное управление частных лиц и их эксплуатации в частных интересах. Термидорианцы, как и их предшественники – якобинцы, были сторонниками экономического либерализма, но они не были догматиками. Поэтому и в период Директории государство отнюдь не ограничивало себя функциями «ночного сторожа». При Директории министр внутренних дел Франсуа де Нефшато осуществил первую всеобщую перепись населения, предпринял статистические обследования экономик многих департаментов, способствовал развитию речного судоходства, организовал выставку промышленных товаров, реорганизовал систему общественного вспомоществования¹⁵.

По мере того как народ покидал политическую сцену, возрастала политическая роль армии.

При опоре на армию генерал Бонапарт в качестве первого консула, а затем императора, выступил настоящим архитектором государственных институтов. Предложенная и созданная им конструкция государственного устройства в наиболее принципиальных своих моментах организации исполнительной власти просуществовала весь период до Второй мировой войны, многое сохраняется вплоть до наших дней.

В то же время система законодательной власти, созданная первым консулом, могла быть принята даже имущими классами лишь на непродолжительное время, так как лишала их каких-либо реальных возможностей воздействия на механизм принятия политических решений.

Конституция 1799 года (VIII года Республики) обеспечивала не прямое избирательное право для мужского населения страны. Участвовать в выборах в качестве избирателей могли мужчины старше 21 года, являвши-

еся гражданами, проживавшие постоянно в одном и том же месте на протяжении не менее года. Избирательного права лишались домашние слуги и банкроты. Из 7 млн. взрослого мужского населения только 5 млн. соответствовали установленному цензу. Взрослые мужчины каждой коммуны, обладающие правом голоса, избирали своих нотаблей, численность которых соответствовала одной десятой части избирателей. В свою очередь нотабли коммун избирали нотаблей департамента, численность которых также составляла одну десятую часть нотаблей коммун, объединенных в этот департамент. Нотабли департаментов избирали делегатов в количестве одной десятой части своей численности, из которых формировался национальный список, примерно около 5 тыс. человек. Из этого списка Сенат, назначаемый Наполеоном, формировал легислатуру и назначал на некоторые другие государственные посты. Назначение на должности местного уровня нотабли коммун и департаментов осуществляли совместно с правительством.

На каждом уровне был единственный избирательный тур; победившим объявлялся депутат, набравший наибольшее количество голосов.

Парламент состоял из двух палат, члены которых назначались Сенатом: Трибуната из 80 человек и Законодательного корпуса численностью 300 человек. Существовало только одно формальное ограничение свободы Сената в процессе формирования Парламента из членов национального списка – в Законодательном корпусе у каждого департамента должен был быть хотя бы один представитель. На практике среди членов этой палаты оказывалось большое количество парижан и представителей соседних департаментов. Ежегодно одна пятая часть депутатов каждой палаты освобождала свои места, Сенат переизбирал их. Такая избирательная система была тщательно продуманным фасадом, прикрывавшим механизм отбора нужных людей, который осуществлял сам Наполеон и его доверенные лица. Когда внесенный в феврале 1801 года законопроект, предоставлявший правительству право учреждать в департаментах чрезвычайные суды, вызвал резкие возражения в Трибунате и Законодательном корпусе (в итоге закон был утвержден незначительным большинством), Сенат 18 марта 1802 года принял постановление – 240 Законодательного собрания и 80 членов Трибуната были объявлены не подлежащими переизбранию. А Наполеон все чаще стал игнорировать и Законодательный корпус и Трибуна¹⁶.

В 1802 года он промульгировал следующую конституцию, которая мало что внесла принципиально нового. Разве что контроль за нотаблями, заседавшими в избирательных коллегиях округов и департаментов, еще более ужесточился за счет права первого консула назначать 10 членов в каждую окружную избирательную коллегию и 20 членов в каждую департаментскую. В итоге в окружные коллегии входило около 31 300 избранных и 3500 назначенных членов, а коллегии департаментов состояли из 23 000 избранных и 1 700 назначенных членов. Коллегия представляла двух кандидатов на каждое освободившееся место в парламенте, а Сенат выбирал одного из них. Степень, до которой Наполеон пренебрежительно относился даже к своему ручному электорату и хорошо управляемым выборам, иллюстрируется тем фактом, что на протяжении нескольких лет он

требовал от Сената назначения в Законодательный корпус лиц, которые не были даже представлены коллегиями¹⁷.

Местные органы власти при Наполеоне также не обладали даже минимальной автономией. Закон от 28 плювёоза восьмого года республики (17 февраля 1800 года) вводил генеральные советы департаментов, насчитывающих от 16 до 24 членов, которых назначал первый консул, опираясь на департаментские списки нотаблей. Конституция 1802 года изменила принцип комплектования генеральных советов: теперь выборщики представляли две кандидатуры на каждое из мест генерального советника, и одного из них Бонапарт назначал сроком на 15 лет. В эпоху Первой Империи генеральные советы занимались прежде всего вопросами обложения прямыми налогами. Они создавали комиссии, имели право формулировать пожелания. Реставрация сохранила принцип назначения генеральных советников.

Наполеон проводил меры в поддержку французской промышленности и торговли. Через год после установления консульского режима при поддержке Бонапарта и по инициативе ученого-химика, крупного предпринимателя, а с 21 января 1801 года – министра внутренних дел Шапталя было основано «Общество поощрения национальной промышленности». Его руководителями стали ученые – Бертолле, Конте, Монж, сам Шаптал. Министерство внутренних дел щедро субсидировало расходы этого Общества.

Министр внутренних дел при Наполеоне председательствовал в Генеральном совете по торговле, в Генеральном совете мостов и дорог, в Генеральном совете общественного образования, в Совете гражданских зданий, в Совете мер и весов, в Постоянной комиссии Аграрного кодекса¹⁸.

В декабре 1802 года были вновь созданы, но уже на новых основаниях, отличных от эпохи «старого порядка» двадцать три Торговые палаты. В 1803 года основана Палата мануфактур.

При Наполеоне был создан Банк Франции. Первоначально его капитал составлял 30 миллионов франков, представленные 30 тысячами акций, стоимостью одна тысяча франков каждая. Правительство открыло в нем свой расчетный счет и купило 5 тысяч его акций, заручившись при этом гарантией генеральных сборщиков. В феврале 1800 года из 15 регентов Банка Франции 8 являлись банкирами: Перрего, Малле, Рекамье, Жермен, Карье, Бастерреш, Севен, Барийон, 6 – неогциантами и один был нотариусом, последний в октябре того же года был заменен на Бастида, профессионального банкира¹⁹.

В ту пору Банк Франции не обладал никакими исключительными правами, и частные банки во всем могли ему составлять конкуренцию. Но закон от 14 апреля 1803 года даровал Банку Франции на 15 лет исключительную привилегию на эмиссию банковских банкнотов (*billets a vue et au porteur*). Тогда же капитал банка был доведен до 45 миллионов, а в 1806 году он был увеличен вдвое²⁰. При Наполеоне, особенно к концу его правления, правительством часто практиковались займы у Банка Франции. В результате этого сокращение запасов звонкой монеты становилось столь угрожающим, что Банк был вынужден вводить отсрочки в обналичивании собственных ценных бумаг (*remboursement des billets*)²¹. Впоследст-

вии правительство Реставрации также использовало банк Франции для собственного кредитования.

Реформировалась система образования. В 1808 году Наполеон создал университет, который включил в себя преподавателей высшей и средней школы. Начальное образование осталось вне университетской системы. Наполеон даровал университету значительную собственность. Доходы от нее плюс прибыль от реализации произведенного в стенах самого университета обеспечивали его существование.

Рабочий вопрос при Наполеоне еще не обрел масштабности, но некоторые подходы в отношении бедного городского населения также были определены в эпоху Консулата и Первой Империи. Бонапартизм характеризовался сочетанием репрессивности и патернализма.

Система контроля и запретов закреплялась законодательно. 1 декабря 1803 года был принят закон о «рабочих книжках», а закон от 12 апреля 1803 года воспроизвел основные положения закона Ле Шапелье. Рабочие книжки впервые были введены королевскими указами в сентябре 1781 года. Учредительное собрание отменило их в 1791 году, как и все прочие юридические формальности, стеснявшие свободу торговли и промышленности. Однако при Наполеоне рабочие книжки были восстановлены, с января 1813 года они были распространены и на шахтеров, ранее свободных от этого полицейского документа²². Даже поддерживая сугубо экономическое стремление предпринимателей увеличить продолжительность рабочего дня, наполеоновские чиновники аргументировали это необходимостью уменьшить свободное время работников, которое могло быть употреблено на организацию происков против предпринимателей и подготовку стачек²³.

О патерналистском подходе к рабочему вопросу в наполеоновскую эпоху красноречиво говорит записка, подготовленная Реньо де Сен-Жан-д'Анжели и представленная в январе 1804 года в Законодательный корпус. «У всех народов и во всех больших городах существует класс граждан, одинаково далеких как от богатства, так и от нужды, – писал законодатель, – класс, который просит у Бога лишь здоровья и силы, а у общества труда и охраны труда: я имею в виду ремесленников и рабочих. Но если здоровье им изменяет, если работа отсутствует, если они недостаточно предусмотрели необходимость сбережений, а многочисленность семьи сделала брешь в этих сбережениях, или тяжелые времена и особые несчастья поглотили их, – тогда уже создается для такой семьи затруднительное положение; она начинает нуждаться, не впадая еще в нищету, она нуждается в вспомоществовании, но не в общественной благотворительности; и если ее несчастье вызывает о помощи и благословит подавшего ее, то чувство собственного достоинства, то гордость ее отвергнет всякое подаяние. В этом положении обстоятельства принуждают пожертвовать часть обстановки, одежду излишнюю или менее полезную, а иногда даже и необходимую, и приходится примириться с этим. А между тем эта мебель, эта одежда, пущенная наскоро в продажу, так как деньги нужны немедленно и ожидаются с нетерпением, продаются за бесценок сегодня, чтобы быть затем вновь купленными гораздо дороже. В этом случае насколько было бы счастьем для владельца этих вещей иметь возможность отдать их в залог за умеренную ссуду, с

надеждой погасить ее в ближайшем будущем. В этом случае взамен необходимой ему помощи он будет принужден лишь к временному лишению, получить облегчение в своей нужде, не страдая в своем самолюбии, получить помощь, оставаясь независимым; в том случае, наконец, когда менее тяжелые и более прибыльные дни прольют луч утешения на эту семью, – желание вернуть себе заложенное имущество, уплатив ссуду, подскажет ей необходимость быть бережливой; некоторые временные, легко забываемые лишения позволят ей скопить ту небольшую сумму, которая помогла ей во время болезни или безработицы, и так вскоре изгладится всякий след страдания, нужды и печали»²⁴. Реньо добивался реорганизации ссудного дела в Париже, а именно – закрытия всех частных ссудных касс и сосредоточения выдачи ссуд под заклад в руках правительственного учреждения, которое возглавил бы префект департамента Сена. Его идеи были услышаны и поддержаны.

Наполеон своими декретами укрепил в 1805 году положение полу-благотворительного парижского ломбарда «*Mont-de-Piete*», который выдавал ссуды под очень умеренные проценты и, как считалось, не обманывал своих клиентов, что было столь свойственно для частных ссудных касс и ростовщиков. А утвержденный им закон от 16 плювиоза XII года Республики гласил, что учреждения, выдающие ссуды под залог, могут действовать «только в интересах бедных и только получив разрешение правительства»²⁵.

С точки зрения организации государственной власти, Реставрация принесла мало что принципиально нового по сравнению с Империей. Согласно Хартии 1814 года, король обладал правом законодательной инициативы, он же утверждал принятый палатами закон и его промульгировал. Король созывал палаты на сессии и в любой момент мог прервать заседания парламента, он мог распустить палату депутатов. Статья 14 Хартии предоставляла монарху право издавать ордонансы, то есть в необходимых случаях вершить законодательную власть помимо парламента. Члены высшей палаты – пэры – назначались королем. Звание пэра было объявлено наследственным. Председателей палат парламента также назначал король. В выборах имели право участвовать только французы, платившие в качестве прямого налога более 300 франков и достигшие 30-летнего возраста, т.е. 72 тыс. из 29 млн. проживавших во Франции в то время. В выборах 1815 года приняли участие 42 тыс.²⁶. Правом быть избранным обладали только лица старше 40 лет и платившие не менее 1000 франков прямого налога. В соответствии с «Конституционной хартией» все ступени исполнительной и судебной власти контролировались королем. Король назначал и смещал министров, префектов, прокуроров, судей, командовал вооруженными силами страны, присваивал офицерские звания. Система в значительной степени осталась прежней, изменился режим.

Именно сохранение авторитарной сути позволяло консервативному меньшинству благодаря своему влиянию на короля обретать в государстве позиции, не соответствовавшие его реальному весу в обществе. Создавалась патовая ситуация, которую ярко обрисовал историк Франсуа Гизо в напущевшем в 1821 году политическом памфлете «О возможностях правительства и оппозиции в современной Франции» («*Des moyens de*

gouvernement et d'opposition dans l'etat actuel de la France»). К тому времени Гизо был не только известным историком, но и человеком, имевшим большой административный опыт. Он успел побывать госсекретарем министерства внутренних дел в период первой Реставрации Бурбонов, а в 1819–1820 годы он возглавлял администрацию по управлению департаментами и коммунами в рамках министерства внутренних дел – до того, как по политическим причинам был отправлен в отставку²⁷.

По мнению Франсуа Гизо, правительство не могло выжить, не восстановив «старого порядка», но на это восстановление у него не было сил. Обреченное на бездействие, оно выдвигало в качестве самооправдания хаотическое состояние общества и само же его порождало, задавливая свободу прессы и ассоциаций²⁸.

Суверенный разум должен определять государственное устройство, а не народ-суверен, – считал Гизо. Великий историк и один из вождей умеренных, Гизо точно передавал настроения, характерные для большинства в среде легально действовавшей оппозиции режиму Реставрации. Гизо исходил из того, что никто не верит ни в возможность прямого и постоянного отправления власти всей совокупностью граждан, ни в перспективу избрания всех органов власти на основе всеобщего избирательного права. Суверенитет народа, в его интерпретации, – это управление в соответствии с общими интересами, в отличие от управления в частных интересах. Власть должна была считаться и солидаризироваться с наиболее сильными интересами, проявлявшимися в обществе. Иначе говоря, наиболее активная часть общества должна была передавать свою силу власти, то есть государству, которое должно было в ответ указывать этой части общества ее призвание к управлению. Без лишних обиняков Гизо идентифицировал эту динамичную часть общества, включив в нее «собственников, адвокатов, нотариусов, капиталистов, мануфактуристов, негоциантов...»²⁹. Принципиальный антиэгалитаризм был широко распространен среди обеспеченных людей времен Реставрации. Бюрократы различных уровней в этом плане редко составляли исключение.

Государственными чиновниками рабочие в эпоху Реставрации воспринимались как обездоленная, но в целом покорная своей судьбе масса. Мэры городов, полицейские чины, администраторы министерства внутренних дел обращали на рабочих внимание в связи со стачками, актами луддизма или «возмутительными высказываниями» политического характера. В отношении между предпринимателями и рабочими власти в ту пору предпочитали не вмешиваться без особой необходимости, при всем том исходили из принципов, установленных в годы Революции и Империи. Префект департамента Об, отчитываясь в декабре 1822 году перед министром внутренних дел, сообщал, что он в своих действиях следовал духу закона от 16 фруктидора 4 года (Республики. – *Е.К.*), направленного на запрет всякого рода ассоциаций и поддержание сугубо индивидуального характера взаимоотношений между хозяевами и рабочими³⁰. Попытки рабочих организовать ради защиты своих интересов жестко пресекались. Если же рабочие осмеливались устроить какую-либо демонстрацию, против них направлялись силы не только полиции и жандармов, но часто и армии.

Правда, в тех случаях, когда сговор имелся и со стороны рабочих, и со стороны предпринимателей, а к тому же позиция рабочих освещалась традицией, власти подчас проявляли колебания или даже возникали межведомственные споры. В Анжере во время конфликта между предпринимателями и рудокопами префект, входивший в систему министерства внутренних дел, решительно поддержал хозяев, а местный прокурор, подчинявшийся министерству юстиции, склонен был прислушаться к мнению рабочих. Не продемонстрировал готовности применить статью 415 Уголовного кодекса, предусматривавшую наказания за стачки, и прокурор в департаменте Соны-и-Луары, когда к нему обратились хозяева угольных копей Бланзи в связи со стачкой углекопов в марте 1820 года. Прокурор сослался на «недостаточность данных», предоставленных ему предпринимателями³¹.

Гораздо чаще власти оперативно выступали на стороне предпринимателей. К тому же хозяева, добываясь желаемого, могли опираться на структуры, традиционно лоббировавшие их интересы перед государственными органами. Когда в Амьене рабочие-красильщики попытались установить минимум оплаты своего труда, воспротивившиеся предприниматели задействовали амьенскую торговую палату, которая с помощью префекта департамента Сомма убедила министра внутренних дел применить к виновным 415-ю статью. Чтобы избежать судебного преследования, рабочие отказались от своего соглашения³².

Так как рабочие демонстрировали большей частью безразличие к политическим страстям, о чем сигнализировали чины полиции, власть могла особенно не утруждать себя патерналистскими акциями. Известно лишь о деятельности герцога Беррийского; в качестве президента Филантропического общества он патронировал рабочие общества взаимопомощи³³. В то же время, понимая особую значимость Парижа, правительство и муниципалитет сдерживали цены на хлеб, а в периоды спада экономической активности начинали общественные работы для того, чтобы поддержать хотя бы часть тех, кто лишился заработка. Но понимания настроений рабочего люда даже у людей, по долгу службы призванных следить за этими настроениями, явно не хватало. Префект парижской полиции и в 1829, и в первой половине 1830 года вплоть до июльских дней рокового для династии Бурбонов года сообщал главе кабинета министров, что рабочее население столицы не интересуется делами политики и озабочено только работой и развлечениями.

Интеллигенты даже самых радикальных взглядов в эпоху Реставрации еще не видели в рабочих силу, которая могла послужить достижению их политических целей. Имелись лишь некоторые исключения из этого правила. Так, в обвинительном акте палаты пэров по поводу августовского заговора 1820 года говорилось о существовании трех комитетов: бонапартистского под руководством герцога Ровиго, республиканского, под председательством Лафайета, и «гренобльского», названного так по месту рождения его президента Жозефа Рэ. Последний комитет помогал комитету Лафайета, вербуя ему сторонников среди студентов и рабочих³⁴. Эти исключения облегчили в июле 1830 года организацию буржуазными элементами революционных действий рабочих.

Королевские ордонансы были обнародованы 26 июля 1830 года, и это немедленно вызвало возмущение среди либерально настроенных парижских предпринимателей. Они начали закрывать свои предприятия, объясняя рабочим, что государственный переворот, учиненный Карлом X, лишает их возможности продолжать работу. Первыми закрылись газеты и типографии. Прошли собрания с участием студентов и рабочих. Вечером 27 июля в предместье Сен-Марсо члены тайного общества «Трибуны» организовали первые уличные выступления, началось строительство баррикад³⁵. Количество людей, взявших за оружие, было очень невелико, но на их стороне были симпатии подавляющего большинства парижан. Восставшие не посягали на собственность, подчинялись приказам своих руководителей. Состоятельных граждан успокаивал тот факт, что вожди инсургентов были одеты либо в буржуазное платье, либо в мундиры слушателей Политехнической школы.

Власти оказались абсолютно неподготовленными к отпору. Численность войск, находившихся в распоряжении правительства, была недостаточной. Вскоре выяснилось, что войскам не хватает боезарядов и провианта³⁶. Генерал Мармон осуществлял командование без всякого энтузиазма и при первой возможности вступил в переговоры с руководителями баррикад. Линейные части фактически уклонялись от участия в боевых действиях, а на третий день противостояния отдельные подразделения отказались продолжать борьбу. В ходе уличных боев более 1500 человек были ранены и убиты, среди них около 80% относились к рабочим³⁷.

К власти пришли либеральные политические группировки, наконец получившие широкие возможности для реализации своих проектов государственных и общественных реформ. Осуществленная рабочими, радикальными элементами интеллигенции и мелкой буржуазией Июльская революция имела своим результатом переход власти к кругам крупной либеральной буржуазии.

1 августа Луи-Филиппу его консервативные сторонники предложили список членов Временной комиссии, целью которой были чисто административные функции. Наиболее масштабные дела государства переходили в ведение Совета, в составе которого были Дюпен, Себастьяни, Перье, Брольи, позже вошел и Моле. Никто из них не был близок к народному движению. Гизо был назначен министром внутренних дел, став в этом качестве членом Временной комиссии, а не членом Совета.

3 августа состоялось заседание парламента. Речь наместника заменила традиционное выступление короля. В ней принц Орлеанский был представлен как средство против анархии, а стране обещалась честная и справедливая администрация, преданная интересам нации и идее поддержания мирного сосуществования с другими государствами. Однако столь умеренная и неопределенная программа орлеанистов вызвала волнение вне стен палаты – среди республиканцев и радикальных представителей старой оппозиции. Было принято решение не принимать Луи-Филиппа в качестве короля без гарантий дальнейших либеральных реформ. Известный оратор левого крыла либералов Берар внес предложения по пересмотру Хартии. Однако консерваторам удалось устроить так, что действительной работой по изменению Хартии занялись Бролье и Гизо. Последние изменили план Берара, и поправки оказались более консервативными, чем ожидалось.

6 августа Берар зачитал измененный проект на заседании палаты, добавив собственные контрпоправки. Однако обсуждение было прервано демонстрациями республиканцев, протестовавших против произошедшего, по их мнению, незаконного захвата власти сторонниками Луи-Филиппа. Гизо предложил перенести обсуждение на следующий день, предотвратив тем самым поспешное принятие или отклонение поправок.

В итоге проект поправок к Хартии был принят в результате небольшой дискуссии и с очень незначительными изменениями. Он включал в себя декларацию о том, что трон номинально и фактически свободен, и приглашение наместнику занять его с измененной конституцией. Основные поправки к Хартии были следующими:

- ▶ были изъяты преамбула, в которой документ был представлен как милость, пожалованная монархом, и статья, декларирующая католицизм государственной религией;
- ▶ было ограничено право короля на издание указов и декретов;
- ▶ были усилены гарантии свободы прессы; право законодательной инициативы закреплялось за королем и парламентом;
- ▶ возраст, позволяющий баллотироваться в депутаты, был снижен до 30 лет, а позволяющий принимать участие в голосовании – до 25 лет, остальные положения избирательного ценза должны были быть установлены дальнейшим законодательством;
- ▶ создание чрезвычайных трибуналов запрещалось³⁸.

Политический режим, возникший благодаря Июльской революции, получал достаточно двусмысленное обоснование. Если режим Реставрации с точки зрения права зиждился на историческом «божественном праве королей», и государство Людовика XVIII и Карла X могло опираться на многовековую традицию, то законность правления Луи-Филиппа подвергалась сомнению и с точки зрения последовательных сторонников династического принципа (они говорили, что «новый король был избран не потому, а несмотря на то, что он Бурбон»³⁹), и с точки зрения последовательных сторонников народного суверенитета.

Конституция 1830 года наделяла короля исключительно широкими полномочиями – он являлся главой государства, и ему принадлежала вся полнота исполнительной власти, законодательная власть отправлялась палатами и королем. Личность короля объявлялась священной и неприкосновенной, признавался он и высшей судебной властью. Сама монархия не устанавливалась Конституцией, а признавалась как историческая данность⁴⁰. Члены палаты пэров назначались королем. И только палата депутатов избиралась на основе цензового избирательного права. Электорат палаты в 1830 году состоял из 166 000 человек, в 1846 году он составил 241 000.

Успешное участие многих парижских рабочих в Июльской революции породило в рабочем населении столицы надежды на новое отношение к их проблемам как со стороны властей, так и со стороны их хозяев. С предпринимателями их, казалось бы, объединило общее дело борьбы за свободу. По городу прокатилась волна рабочих манифестаций. И быстро выявилось полное отсутствие взаимопонимания между рабочими и новыми властями.

Когда каменщики Парижа обратились к префекту Сены, управляющему департаментом, в который входил и Париж, с просьбой запретить сделную работу и сократить рабочее время, он ответил им воззванием, в котором упрекнул в этом «необдуманном, поспешном, опрометчивом» предложении, которое он охарактеризовал как недостойное «их поведения в последнее время и их традиционной лояльности». Они, по его мнению, «забыли на мгновение все принципы, ради которых боролись и которые некоторые из них омыли своей кровью... Они упустили из виду тот факт, что свобода труда не менее священна, чем все другие наши свободы». Другое воззвание, выпущенное недавно назначенным префектом полиции, хорошо известным либералом Жиро де л'Эном (*Giroud de l'Ain*), предупреждало рабочих, что их демонстрации впредь будут рассматриваться как нарушения общественного порядка, а сами рабочие рискуют подвергнуться преследованию по уголовному кодексу за незаконные собрания. «Если, верные своей сентиментальности, которая оживляет героическое население Парижа, они не совершают ни одного акта насилия, их встречи, более или менее шумные, сами по себе – угрожающий беспорядок... Если у рабочих Парижа есть хорошо обоснованные требования, им следует представить их индивидуально и в официальной форме компетентным властям... Любое требование, адресованное нам, с просьбой нашего вмешательства в отношения хозяина и рабочего по поводу установления заработной платы или продолжительности рабочего дня, или выбора рабочих не может быть принято, поскольку противоречит тем законам, которые освятили принцип свободы промышленности»⁴¹.

В этих двух официальных обращениях определенно отражена интерпретация свободы правительством. Свобода была атрибутом индивидуума, а массовые митинги и демонстрации, даже мирные, были «угрожающим беспорядком». На этих демонстрациях выдвигались требования от лица собравшихся в одно целое рабочих, в то время как государство признавало лишь индивидуальных граждан. Только если бы требования были представлены индивидуально компетентным органам, они могли бы быть вообще рассмотрены. Но и тогда требования, которые были заявлены в тот момент, были абсолютно неприемлемы, поскольку навязывание коллективных правил лишило бы индивидуумов их священного права вести свое производство как они считали нужным. «Свобода труда» и «свобода производства» были неотделимы от других свобод, освященных Июльской революцией; посягнуть на эти свободы означало бы предательство самих принципов рабочих Парижа, которые они совсем еще недавно «оросили своей кровью».

Для либералов нового режима действия и требования рабочих были не только неприемлемыми, но и совершенно иррациональными. Именно этим можно объяснить покровительственный тон обращений парижских властей. Если «сентиментальность» рабочих была «героической», а их «лояльность» – «традиционной», то действия рабочих были поспешными и необдуманными. Подобно детям, они «забыли» или «потеряли из виду свои принципы» и создали «угрожающий беспорядок», несмотря на хорошие намерения. Следовательно, их более рациональные наставники должны напомнить им об их обязанностях. И если оте-

ческих лекций окажется недостаточно, рабочие будут подвергнуты наказанию – преследованию по закону. Таким образом, когда типографские рабочие с криками «Да здравствует Свобода!» громили механические прессы, которые лишили их возможности трудиться, или когда они доказывали, что механический пресс служит «только интересам нескольких индивидуумов и противоречит настоящей свободе», на эти демонстрации очевидной иррациональности можно было ответить только силой – лидеры печатников были арестованы и преданы суду за организацию незаконного сговора.

Твердый ответ властей рабочим вскоре достиг желаемого результата. Поток демонстраций в августе и сентябре превратился в ручеек к октябрю и ноябрю и совсем прекратился к декабрю. Отчасти это произошло из-за безработицы, которая была высокой уже до Июльской революции, а теперь выросла еще больше в результате политической нестабильности. В период высокой безработицы и слабого порядка единственное, на что надеются рабочие, – это вмешательство правительства; как только вероятность этого уменьшается, забастовки против хозяев имеют минимальный шанс на успех. И хотя волнения рабочего класса после Июльской революции были интенсивными, в то же время они были очень непродолжительными. Однако репрессивность ответных действий властей нового режима и непонимание с их стороны того, что происходит, имело и другой результат, который они не предвидели. Некоторые из числа наиболее грамотных и активных рабочих попытались переформулировать и более убедительно изложить точку зрения своего класса. Помимо этого, радикальные элементы из числа интеллигенции, имея организации в лице тайных обществ, выступили не только за республиканскую форму государственного устройства, но и все настойчивее стали пропагандировать всеобщее избирательное право. А в наиболее радикальном из тайных парижских обществ – в обществе Друзей Народа – стала звучать мысль, что судьба пролетариев должна составлять одну из постоянных забот государственной власти. Рабочий вопрос, как никогда ранее, оказался на повестке дня французского государства.

В структурах государственной власти Июльской монархии было достаточно людей, обладавших острым социальным зрением, но проблема была не в постановке проблемы, а в том, как ее решать. Гизо и часть консервативно настроенных сторонников новой монархии уповали прежде всего на репрессивные меры. Являясь с августа по октябрь 1830 года министром внутренних дел, Франсуа Гизо активно занялся реорганизацией Национальной гвардии. Комиссию, которой Гизо поручил подготовку двух законопроектов на эту тему, возглавил Лафайет. Старый генерал сохранял некоторую популярность среди народа и в то же время был вполне лоялен новым властям. Помимо создания эффективного инструмента для подавления возможных выступлений, нельзя было допустить, чтобы рабочие обрели учителей из числа образованных смутьянов.

26 сентября 1830 года в палату депутатов поступило требование о пресечении деятельности республиканских и социалистических обществ, которые в подражание клубам 1792 года проводили частые заседания, где чрезвычайно свободно критиковалось правительство. Представители среднего класса были обеспокоены той агитацией, ко-

торая вдохновляла необузданный энтузиазм студентов-республиканцев на проведение шумных демонстраций. С трибуны Гизо заявил, что страх считает преувеличенным; в то же время он допустил, что политические клубы на самом деле раздувают и восхваляют «революционный дух». «Мы осуществили, – говорил он, – ...счастливую и славную революцию, но мы не намерены ввергать Францию в состояние революции». Он говорил о себе, что желает движения вперед, как никто другой, но «беспорядок – это не развитие, агитация – это не прогресс». Гизо предложил ужесточить статью 291 Уголовного кодекса, которая запрещала основание какого-либо религиозного, политического или литературного общества с числом членов более 20 человек для регулярных собраний без разрешения правительства. Но предложение Гизо не прошло⁴².

Полномочия министерства внутренних дел были по-прежнему, как и в период Реставрации, чрезвычайно широкими. Администрация департаментов и коммун, полиция, Национальная гвардия, общественные работы, общественные благотворительные институты, сельское хозяйство, промышленность, коммерция, наука, литература и искусство – короче, все, что представляло материальный и моральный интерес для страны, или все, что волновало правительство, – было под контролем министерства внутренних дел. Июльская революция парализовала деятельность министерства и внесла неизбежные изменения в персонал армии функционеров. Новый министр вставал на рассвете, чтобы встретиться с назойливыми искателями места, которые заполнили Париж. Затем следовали рутинные дела департамента и работа с огромной корреспонденцией, посещение Совета, обязанности в парламенте. Заседания проходили ежедневно, кроме воскресенья, с полудня или с двух часов дня и длились до пяти, шести и даже позже. Он позволял себе лишь четыре-пять часов сна...

Проблема должностных назначений осложнялась тем, что на министра внутренних дел оказывалось чрезвычайное давление. От Гизо требовали более решительных действий по замене чиновников времен Реставрации на сторонников нового режима. Годы, проведенные Гизо в общении с либералами различных оттенков, входившими в филантропические и другие организации, сослужили ему хорошую службу. Он пытался найти умеренных, интеллигентных и энергичных людей. Кроме того, он сопротивлялся политике массового увольнения назначенцев эпохи Бурбонов; также он пытался, хотя и безуспешно, спасти некоторых из чиновников департамента народного образования которые отказались присягнуть на верность новому правительству.

Чтобы сбить волну рабочих выступлений, правительство, в лице министерства внутренних дел, запросило у парламента пять миллионов франков на открытие общественных работ для безработных, пенсии для раненых в ходе июльских боев и компенсации вдовам убитых. Тогда же были уменьшены таможенные тарифы на зерно с целью снизить цены на хлеб⁴³.

Либералы, доминировавшие в правительствах Луи-Филиппа, готовы были решительно бороться против того, что они считали анархией, подрывом устоев государства и общества, в то же время, верные последователи идей Просвещения, они готовы были тратить усилия и

деньги на народное образование. Бюджет министерства образования с 1829 по 1837 годы возрос более чем в два раза. При этом финансовые ресурсы увеличились в основном за счет начального образования. Генеральные советы департаментов вотировали определенные суммы, которые передавались префектами в Париж для включения в государственный бюджет. Создавалась единая система образования под контролем государства. Закон от 28 июня 1833 года превращал преподавателей начального цикла в государственных служащих и интегрировал их в систему университета. Таким образом, государство получало дополнительную возможность воздействия на подданных из числа простолюдинов, которые ранее соприкасались с публичной властью только в лице сборщиков налогов, полицейских и жандармов.

Но средства и усилия требовались действительно титанические. Хотя на одно начальное образование шло порядка одного миллиона франков в год, в 1833 году не менее семи тысяч коммун оставалось без школ⁴⁴. Во многих французских деревнях учителями и в конце 30-х годов были инвалиды наполеоновских войн, непригодные для какой-либо иной деятельности или даже владельцы винных магазинов, которые пополняли свой доход тем, что прямо в своих лавках проводили занятия. И, тем не менее, прогресс был налицо. За 1832–1847 годы число учащихся начальных школ увеличилось с 1 936 000 до 3 530 000, т.е. на 1 594 000; за 1847–1863 годы оно выросло лишь на 806 000, достигнув 4 336 000. В результате за годы Июльской монархии количество неграмотных существенно сократилось. Если в 1830 году на 100 рекрутов приходилось лиц, не умеющих ни читать, ни писать, порядка 50% (точнее 49,73%), то к 1847 году произошло снижение на 15%. (34,91%). В период Второй империи бюрократы ощутили опасность образования, и темпы обучения бедняков, в том числе рабочих, упали. В 1862 году неграмотных среди рекрутов – 27,49%, снижение с 1847 года всего на 7,4%⁴⁵.

Хотя главной целью закона 1833 года стала задача создать общественную начальную школу, Гизо не стремился разрушить уже действующие школы, если они отвечали новым требованиям. По отношению к церковным школам, которые уже несли бремя начального образования, и особенно к созданным в предшествующие десятилетия (протестантским и католическим) школам Гизо испытывал искреннее уважение. Более того, он полагал, что общество только выиграет от множества школ и соревновательности методов. Закон, вслед за Хартией, признавал принцип «свободы образования». Любой человек 18 лет и старше мог открыть начальную школу при единственном условии – наличии диплома, позволяющего вести преподавание и полученного после сдачи определенных экзаменов, и сертификата о добронравии.

Сменявшие друг друга правительства Луи-Филиппа лавировали, прибегали к репрессиям, шли на уступки. Многократно обвиненные оппонентами в беспринципности они, тем не менее, шли курсом, обеспечивавшим Франции экономическое, технологическое, социальное и институциональное развитие. Непопулярные министры приучали страну жить по правилам правового государства. Они не пытались перераспределять карты и менять выборную систему, хотя, начиная с 1831

года, выборы часто давали совсем не те результаты, которые устраивали бы короля и его министров.

Так, прошедшие в 1831 году выборы в палату депутатов привели в законодательный орган и, соответственно, в большую политику людей демократических убеждений. Среди них был молодой адвокат, сын ремесленника Этьен Кабе. В 1832 году он опубликовал свою первую книгу «Революция 1830 года и текущая ситуация» (*«Revolution de 1830 et situation presente»*), в которой доказывал, что революцию совершили рабочие, а буржуазия присвоила ее плоды.

Рождались новые социалистические и коммунистические теории, которые после революции 1830 года стали пропагандировать в рабочей среде. 31 октября 1831 года префект Парижа Жиске предписал всем комиссарам парижской полиции регулярно посещать все публичные проповеди сен-симонистов, фиксируя все, что покажется им враждебным по отношению к правительству либо направленным против общественного спокойствия. В январе 1832 года он вновь направил циркуляр всем полицейским комиссарам столицы, в котором сообщал о новых опасностях, исходивших от сен-симонистов. Первое, на что следовало обратить внимание, — согласно поступившей к нему информации, сен-симонисты начали создавать организацию из рабочих; второе — они привлекали в свои ряды людей богатых, а также молодых людей из «уважаемых семей»⁴⁶.

Орлеанисты были приверженцами «золотой середины» и постепенно стали во всем, но даже тяжелейшие потрясения в виде рабочих и республиканских восстаний не заставили их отказаться от своих принципов. Гизо считал, что «централизация умов хуже, чем централизация дел», и не отказывался от этого убеждения ни будучи министром внутренних дел, ни будучи министром образования и министром иностранных дел, ни тогда, когда занял пост главы кабинета. Этот принцип Франсуа Гизо сформулировал в бытность свою министром внутренних дел в письме к префекту Верхней Соны. Он объяснял префекту, своему старому знакомому: «Не колеблясь, меняй мэров, которых отвергает народ и которые стесняют тебя, вместо того, чтобы поддерживать. Все, что имеет слепую и подобострастную реакцию, будет иметь плохой результат; все, что говорит о стремлении делать дело и верно служить народу, даст силу и доверие. Ищи людей, которые умеют думать и действовать в соответствии со своими убеждениями. Первое, что необходимо нашей стране, это повсеместное развитие независимых мнений и влияний. Централизация умов хуже, чем централизация дел»⁴⁷. В 1833 году правительство сделало важный шаг в сторону создания местного самоуправления. 22 июня 1833 года был утвержден закон о выборности генеральных советников. Общество получило еще один легальный и институализированный канал для непосредственного взаимодействия с государством.

Суды присяжных нередко выносили оправдательные приговоры людям, которых в правительстве считали опасными смутьянами. За свои публикации «Что такое собственность?» и «Предупреждение Собственников» в 1842 году был отдан под суд Прудон, но суд присяжных его оправдал, а его речь на суде была в том же году опубликована⁴⁸. Человек, объявивший публично, что «собственность есть кража», получил возможность продолжать пропаганду своих крамольных идей. После того

как на процессе в Тулузе суд оправдал группу рабочих, сторонников коммунистических идей, прокурор воскликнул: «Бедная французская буржуазия!»⁴⁹. Независимость судов, без чего немислимо правовое государство, в период Июльской монархии утвердилась как никогда ранее.

Идеи о необходимости стимулирования промышленного развития путем удешевления кредита и создания инвестиционных банковских структур даже в период Реставрации имели отнюдь не только теоретический и пропагандистский характер. Банк Франции и частные банковские структуры пытались воздействовать на ситуацию в промышленности, прежде всего во время спадов экономической активности. Во время кризиса 1826–1828 годов, особенно тяжело отразившегося на ситуации в Эльзасе, Банк Франции принял решение, впрочем, официально не объявленное, не принимать ценные бумаги, гарантированные подписями только из Эльзаса. Это негласное решение последовало после того, как на совете управляющих Банка выступил с докладом о ситуации в Мюлузе парижский банкир Одьё⁵⁰. Нараставшие проблемы в промышленности Мюлуза могли привести к цепной реакции, и, чтобы избежать катастрофы, парижские банкиры решили вмешаться. В конце января 1828 года синдикат банковских домов Лаффита, Ротшильда, Фульда, Давийе, Гро, Тюре выделил займ в 5 миллионов франков, из которых 4 пошли крупнейшим эльзасским предпринимательским структурам – Дольфюсу, Мигу и компании, а также Кехлину, и 1 миллион – другим, наиболее крепким предприятиям⁵¹.

Во Франции первой половины XIX века менялись правительства и режимы, но экономическая политика поразительным образом сохраняла преемственность. Более того, в кризисные моменты частные лица, государственные и муниципальные структуры неизменно находили взаимопонимание для осуществления согласованных действий. Так, для преодоления тяжелейшего кризиса конца 1840-х годов Временное правительство 7 марта 1848 года постановило создание Учетных бюро, получивших средства от государства и местных органов власти. Капитал этих организаций составлялся на одну треть из звонкой монеты, предоставленной частными учредителями, на одну треть – из обязательств муниципалитетов и на одну треть – из бонов, выпущенных казначейством⁵². В тот же день 7 марта в Париже было учреждено Учетное бюро с капиталом в 20 миллионов, в его создании участвовали известные банкиры А.Фульд и Э.Перейра. Подобного же рода банки были созданы и в 63 провинциальных городах. В Мюлузе в административный совет Национального Учетного бюро вошли крупнейшие местные предприниматели Манц-Блех, Кехлин, Кюльманн, Миг. Впоследствии Учетные бюро были преобразованы в анонимные общества и в коммандитные акционерные общества⁵³.

Тем не менее регулирующая роль правительства и банков в первой половине XIX века была малозначимой из-за финансовой и технической невозможности воздействовать на массу мелких частных владельцев. Бюрократический инструментарий воздействия на экономическую жизнь был довольно ограниченным. В годы Реставрации в системе исполнительной власти экономикой занималось министерство внут-

ренных дел. С 1815 года в его рамках существовала дирекция сельского хозяйства, торговли и мануфактур; иногда торговлю и мануфактуры отделяли от сельского хозяйства. В январе 1828 года было создано специальное министерство торговли и мануфактур (как это было при Наполеоне после 1812 года), просуществовавшее до августа 1829 года, когда вновь вопросы коммерции и промышленности были возвращены ведомству внутренних дел⁵⁴. После Июльской революции эти вопросы чаще всего были отнесены к компетенции особого министерства, хотя объем его полномочий и, соответственно, название не раз менялись⁵⁵.

Воздействие правительства и банков было затруднительным и вследствие того, что в периоды кризисов экономическая жизнь быстро архаизировалась. Хожжение ценных бумаг оказывалось затруднительным, кредитные операции сворачивались, расчеты в значительной степени производились наличными, что порождало еще больший хаос.

Правительство в лице министра сельского хозяйства и торговли в конце 1830-х годов и министра общественных работ, сельского хозяйства и торговли в конце 1840-х годов пыталось проинвентаризировать всю французскую промышленность в провинции. Однако французскому правительству, опиравшемуся на централизованную административную систему, удалось представить объемную, но далеко не исчерпывающую статистическую картину. Так, в подготовленном по указанию министра общественных работ, сельского хозяйства и торговли официальном издании «*Statistique de la France, publiée par le ministre des travaux publics, de l'agriculture et du commerce*»⁵⁶ отсутствует информация о промышленности такого индустриально развитого департамента, как Нижняя Сена, нет сведений о департаментах Тарн и Вандея. Непонятен и сам принцип классификации промышленных предприятий.

Идея прогресса в качестве центральной идеи человеческой истории именно в 1830-40-х годах обрела общепризнанность. Но при всех несомненных успехах общества ощущение кризисности переживаемого времени не отпускало всех думающих людей той эпохи. Проблема рабочего класса, обострявшаяся год от года, не находила своего разрешения.

Были поиски паллиативов. Внимательно изучалась проблема бедности в целом. 31 июля 1840 года министр внутренних дел своим циркуляром предписал префектам собрать всю необходимую информацию для составления полного статистического обзора о ситуации с пауперизмом во Франции⁵⁷. По оценкам экономистов, в ту пору каждый двадцатый из числа обитателей Франции относился к нуждавшимся, а на 166 граждан приходилось по одному нищему⁵⁸. По инициативе промышленников государственные чиновники обратились к проблеме ограничения детского труда.

Французское государство под управлением либералов даже в годы Июльской монархии пыталось активно воздействовать на социальные процессы, прежде всего через вмешательство в трудовые конфликты, чаще всего на стороне предпринимателей, а также через реформирование сферы образования. Конечно, уровень вмешательства государства в первой половине XIX века был намного ниже, чем в XVIII веке, в эпоху «старого порядка», или во второй половине XX века, в эпоху

«государства всеобщего благоденствия», но, как показывает даже данный нами краткий исторический экскурс, – французский «ночной сторож» имел и волю, и инструменты для воздействия и на социум, и на его экономику. Соответственно, концепция «минимального» или, что почти одно и то же, либерального государства не может базироваться на идеологической абстракции.

«История современности» ведет нас не к пассивному государству с функциями «сторожа», а к энергичному актору, создающему для себя все новые и новые инструменты воздействия на социально-экономическую реальность, на которую государственная бюрократия отнюдь не собиралась лишь взирать, уповав исключительно на возможности саморегуляции гражданского общества. С учетом же того, что сам образ-понятие «государства – ночного сторожа» появился лишь во второй половине XIX века из-под пера немецкого социалиста Фердинанда Лассалля, использование его для описания реалий начала XIX века с точки зрения методологического пуризма современной исторической науки вряд ли допустимо. Политологический релятивизм позволяет вторгаться в ткань прошлого с использованием чуждых для него понятий и образов, но и в этом случае идеологическая абстракция оказывается сконструированной со столь большими несоответствиями, что заслуживает названия не абстракции, а идеологической фикции вненаучного характера.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Стюарт-Хилл Э. *Вызовы российской политологии* // Университетская политология России. Сборник статей. М.: Полис, 1999. С. 10.
- ² Назовем только книги А.М. Салмина: *Промышленные рабочие Франции. К изучению сдвигов в политическом поведении*. М., 1984; *Современная демократия: генезис, структура, культурные конфликты: Опыт Франции в сравнительной ретроспективе*. М., 1992; *Современная демократия: очерки становления*. 2-е расшир. и испр. изд. М., 1997.
- ³ Мамардашвили М.К. *Как я понимаю философию*. М., 1992. С.122.
- ⁴ Ницше Ф. *Сочинения*. М., 1991. Т.1. С.430.
- ⁵ См.: Гаджиев К.С. *Политология*. Учебник. М., 2001. С.408.
- ⁶ См.: Жорес Ж. *Социалистическая история французской революции*. Т.II. М., 1978. С.373–378.
- ⁷ Мануфактуры первой категории нередко тоже носили это название.
- ⁸ См.: Тарле Е.В. Соч. в 12-ти томах. Т. I. М., 1957. С. 621; Fremy. *Histoire de la manufacture royale des glaces en France du XVII et XVIII ss.* P., 1909. P. 298.
- ⁹ Martin Saint-Leon E. *Histoire des corporations de metiers*. P., 1909. P. 551.
- ¹⁰ Levasseur E. *Histoire des classes ouvrieres et de l'industrie en France*. T. I. P., 1903. P. 27–29.
- ¹¹ См.: Коробочко А.Е. *Из истории социальных движений во Франции в первой половине XVIII в.* // Французский ежегодник. 1965. М., 1966. С. 47, 49.
- ¹² Полный текст закона приведен в кн.: Жорес Ж. *Социалистическая история французской революции*. Т. 1, Кн. 2. М., 1977. С. 219–221. О законе Ле Шапелле см.:

- Сытин С. Л. Закон Ле Шапелье в оценке современников // *Новая и новейшая история*. 1969. № 4.
- ¹³ Собуль А. Из истории Великой буржуазной революции 1789-1794 годов и революции 1848 года во Франции. М. 1960. С. 54
- ¹⁴ Цит. по: Boshier J.F. *French Finances 1770-1795: from Business to Bureaucracy*. Cambridge, 1970. P. 25.
- ¹⁵ *Histoire du ministere de l'Interieur de 1790 a nos jours*. P., 1993. P. 27.
- ¹⁶ Манфред А.З. Наполеон Бонапарт. М., 1986. С. 351.
- ¹⁷ Campbell P. *French Electoral Systems and Elections since 1789*. L., 1958. P. 54-55.
- ¹⁸ *Histoire du ministere de l'Interieur...*, p. 34-35.
- ¹⁹ Sedillot R. *Les deux cents familles*. P., 1988. P. 33.
- ²⁰ Gourdon de Genouillac H. *Paris a travers les siecles. Histoire nationale de Paris et des parisiens depuis sa fondation de Lutece jusqu'a nos jours*. P., 1882. P. 323.
- ²¹ Kaufmann E. *La Banque en France*. P., 1914. P. 4.
- ²² *Annales du Travail. Moniteur des societes cooperatives*. 1867. P. 143.
- ²³ См.: Тарле Е.В. *Сочинения в 12 томах*. М., 1959. Т.6. С. 43-44.
- ²⁴ Цит. по: Дюваль Э. Исторический очерк возникновения во Франции и учреждения в Париже правительственных ссудных банков Mont-de-Piete. СПб., 1913. С.95-97.
- ²⁵ Blaize A. *Des Monts-de-Piete et des banques de pret en France et dans les divers etats de l'Europe*. P., 1856. Vol.1. P.155.
- ²⁶ De Waresquiel E. *Un paradoxe politique. La chambre «introuvable» et la naissance du parlamentarisme francais (octobre 1815 - avril 1816)* // *Commentaire*. 1992. N 58. P. 410.
- ²⁷ См.: Gabriel de Broglie. *Guizot*. P., 1990. P. 70.
- ²⁸ Lefort C. *Guizot theoricien du pouvoir* // *Francois Guizot et la culture politique de son temps*. P., 1991. P. 97.
- ²⁹ Guizot F. *Des moyens de gouvernement et d'opposition dans l'etat actuel de la France*. P., 1821. P.265-266; Lefort C. *Op.cit.* P.104.
- ³⁰ См.: Тарле Е.В. *Сочинения в 12 томах*. М., 1959. Т.6. С. 86, 677.
- ³¹ См.: Тарле Е.В. *Ук. соч.* Т.6. С. 96, 100.
- ³² Там же. С. 104-105.
- ³³ Gossez R. *Introduction* // *Un ouvrier en 1820. Manuscrit inedit de Jacque Etienne Bede*. P., 1984. P. 14.
- ³⁴ Вейль Ж. *История республиканской партии во Франции с 1814 по 1870 г.* М., 1906. С. 14.
- ³⁵ См.: Вейль Ж. *Ук. соч.*, С. 26-27.
- ³⁶ Girard L. *La troupe face aux insurrections parisiennes. (1830-1848)* // *Maintien de l'ordre et polices en France et en Europe au XIX siecle*. P., 1987. P. 54.
- ³⁷ Pinkney D.H. *The Crowd in the French Revolution of 1830* // *American Historical Review*. 1964. October. P. 3-4.
- ³⁸ Brush E.P. *Guizot in the early years of the Orleanist monarchy*. N-Y., 1974.
- ³⁹ Цит. по: Вейль Ж. *Ук. соч.*, С. 35.
- ⁴⁰ *Constitutions de la France depuis 1789, textes presentes par J.Godechot*. P., 1979.
- ⁴¹ William H. Sewell, Jr. *Work and Revolution in France. The language of labor from the old regime to 1848*. Cambridge University Press. 1980. P. 196.

- ⁴² Brush E.P. *Guizot in the Early Years of the Orleanist Monarchy*. N-Y., 1974. P.86.
- ⁴³ Brush E.P. *Op.cit.* P.82.
- ⁴⁴ Brush E. P. *Op.cit.* P.148.
- ⁴⁵ Фрумов С.А. *Французская школа и борьба за ее демократизацию 1850-1870. М., 1960. С.25.*
- ⁴⁶ *Religion saint-simonienne. Poursuites dirigées contre Notre Pere supreme Enfantin et contre Notre Pere Olinde Rodrigues. P., s.a. P.9-10.*
- ⁴⁷ Brush E.P. *Op.cit.* P. 80.
- ⁴⁸ Gurvitch G. Proudhon. *Sa vie, son oeuvre, avec un expose de sa philosophie. P., 1965. P.2-3.*
- ⁴⁹ Aminzade R. *Op.cit.* P.112.
- ⁵⁰ Ibid. – P. 92.
- ⁵¹ Ibid. – P. 93.
- ⁵² Kaufmann E. *La Banque en France. P., 1914. P.12-13.*
- ⁵³ Ibid. – P. 13.
- ⁵⁴ *Histoire du ministere de l'Interieur de 1790 a nos jours. P., 1993. P.64.*
- ⁵⁵ Характерно, что один из сен-симонистов М. Шевалье уже в 1832 году предлагал создать пост министра промышленности. (*Religion saint-simonien. [Chevalier] M. Politique industrielle et systeme de la Mediterranee. P., 1832. P.7.*)
- ⁵⁶ *Statistique de la France, publiee par le ministre des travaux publics, de l'agriculture et du commerce. P., 1837.*
- ⁵⁷ В соседней Англии представление о том, что государство обязано заниматься беднейшими слоями населения, укоренилось так глубоко, что даже в словаре Вебстера за 1832 год при истолковании различных значений слова «государство» (state) говорилось: «...Когда мы говорим, что государство осуществило меры в поддержку пауперов, слово государство отсылает к значению «правительство» или «парламент», а когда мы говорим, что общество (state) облагается налогом для поддержки пауперов, то это слово указывает на весь народ или все сообщество». – [http:// www.yourdictionary.com](http://www.yourdictionary.com)
- ⁵⁸ *Les français peints par eux-memes. Encyclopedie morale de dix-neuvieme siecle. P., 1841. T.IV. P. 100.*
- ⁵⁹ *Nachwachterstaat* (государство – ночной сторож) – это понятие в полемике с немецкими либералами ввел Фердинанд Лассаль (1825-1864) для обозначения государства, которое отвечает только за внешнюю и внутреннюю безопасность. – [http:// de.wikipedia.org/wiki/Nachwachterstaat](http://de.wikipedia.org/wiki/Nachwachterstaat)